

I. Брак царя Ивана V Алексеевича с Прасковьей Салтыковой

По мере того как рос и мужал царь Петр, правительница царевна Софья Алексеевна яснее и яснее видела непрочность своего положения; в тайных советах с князем Василием Голицыным она тщательно обдумывала план удержания за собой господства над братьями и власти над Россией.

Мысль об удалении Петра от престола, даже об убиении царственного юноши, рано стала туманить голову сестры; не раз сообщала она об этом своему фавориту, но князь Василий Васильевич благоразумно удерживал ее от преступления, а для упрочения на ее голове короны предложил женить Ивана Алексеевича. Царь Иван был от природы скорбен главою (т. е. слабоумен), косноязычен, страдал цингой; полуслепой, с трудом подымал свои длинные веки, и на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела, служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружающих. Жених он был плохой, но, весь во власти царевны Софьи, он не противился ее желанию.

Греческий историк Феодози говорит, что брак Ивана был задуман князем Голицыным, который, считая насильственные меры против Петра крайне опасными, советовал Софье: «Царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то не трудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том же достоинстве, которое она желает...» Затем Феодози добавляет, что «хотя Царь Иоанн сперва к тому (браку) никакой склонности не оказывал, однако не был он в состоянии противиться хотению сестры своей».

Жених был готов, дело было за невестой. По обычаю священной старины, в царские терема свезли дочерей высшей московской аристократии. Засуетились их родители, закипели страсти придворных честолюбцев, немощи и скорь главы Ивана были забыты; все ждали его выбора. Был ли он заранее решен Софьей или представлялся на произвол жениха — неизвестно; как бы то ни было, но в толпе юных боярышень подслеповатые

очи Ивана остановились на круглолицей, полной Прасковье Салтыковой.

Подобные выборы невест, по рассказам иноземцев, бывали прежде гораздо сложнее: боярышням, свезенным на выборку, отводили покои, каждой отдельно; угощали всех за одним столом, увеселяли разными забавами. Царь присматривался к ним, прислушивался к их беседам, заговаривал сам, осматривал по ночам, кто как спит — спокойно или беспокойно, и, наконец, воспылав страстию, отдавал избранной платок и перстень, а остальных щедро одаривал платьями и разными вещами, затем распускал по домам. На этот раз воля Софьи и немощь Ивана упростили дело, и двадцатилетняя Прасковья, без дальнейших испытаний, наречена невестой восемнадцатилетнего царя Ивана (он родился 28 августа 1666 года).

Впрочем, если верить портрету, «скомпонованному» по портрету, хранящемуся в московском Новоспасском монастыре, то невеста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы густыми косами ниспадали на круглые плечи; круглый подбородок, ямки на щеках, косички, красиво завитые на невысоком лбу,— все это представляло личность интересную, веселую и очень миловидную.

Свадьба совершена была со всеми церемониями, которыми обыкновенно сопровождалась подобные торжества.

8 января 1684 года, накануне венчания, был у царя стол для бояр, боярынь, родственников отца и невесты. Иван с Прасковьей сидели за особым столом. Царский духовник, протопоп, благословив жениха и невесту, велели им поцеловаться, а бояре и боярыни поднялись с поздравлениями; после стола невеста отпущена домой, и гости разъехались.

9 января 1684 года, в среду, царь Иван провел все утро в соборах: отслужил молебен; на гробах державных предков отправил пение, приложился к святыням и просил у патриарха благословения на брачную жизнь.

Между тем кончились приготовления: уборка палат, свадебных столов, расставление яств и проч. и проч., и торжество началось с выполнением тех мельчайших обычаев, которые освящены были в глазах действующих лиц давностью лет и вековым употреблением.

Многие из этих обычаев, по отношению к настоящей свадьбе, были не что иное, как выполнение пустой формальности; так, например, Прасковья равнодушно могла слушать поучение венчавшего их патриарха: «...у мужа будь в послушании, друг на друга не гневайтесь, покорно выноси гнев супруга, если он за какую-нибудь вину поучит тебя слегка жезлом, так как он глава в доме», и проч. Прасковья не могла не знать, в каком положении эта глава, насколько она в состоянии была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не из любви и уважения к жениху, а потому, что ей и в голову не должна была прийти мысль об отказе: этот брак возвышал ее родителей, родных и, наконец, высоко ставил ее самую над остальными боярынями и боярышнями.

Обряд венчания в соборной церкви совершал патриарх Иоаким с ключарем и тремя диаконами. Звон был в большой новый колокол, а с пришествия государя в собор — во все колокола, и не умолкал до молебна.

После венчания и свадебного стола именитые гости, проводя царя и царицу в опочивальню, уселись за стол, выжидая час боевой, когда дружка принесет весть, что у царя доброе совершилось.

«А на утро следующего дня, как велось это обыкновенно, царю и царице готовили мыльни разные, и ходил царь в мыльню, и по выходе из нее возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велено было сохранять постельничему. А как царица пошла в мыльню и с нею ближние жены, и осматривали ее сорочку, а осмотря сорочку, показали сродственным женам немногим для того, что ее девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместе, сохраняли в тайное место» и проч.

Нет причины думать, чтоб все эти формальности не были выполнены, притом выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мере по наружности, было «в добром совершении», и вся родня новой царицы ликовала в царских теремах за свадебными столами; на дворе и по сеням музыканты играли в трубы, били в литавры, и пылали разложенные в различных местах на улицах и на дворах костры: то была того времени иллюминация.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежат к древнейшим и именитейшим фамилиям. Происхождение Салтыковых восходит к XIII веку. Предок их Михайло Прушанин выехал из Пруссии в Новгород; от него пошли в пятом колене Морозовы, Чоглоковы, Шестовы и др.; а в восьмом колене от Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важные роли на политическом, военном и гражданском поприщах; многие из них были самыми доверенными и приближенными лицами московских государей. Так, мы видим Андрея Салтыкова оружейничим и любимцем великого князя Василья Ивановича; брат его, Василий Салтыков, оборонил Опочку от Константина Острожского. Двое Салтыковых пали в Ливонских походах; двое были именитыми боярами при дворе Грозного; племянник их — сокольничим и любимцем Годунова; Борис Михайлович Салтыков — весьма важным лицом при царе Михаиле, а брат его, Михаил, — кравчим, окольничим и любимцем царя Алексея, при дворе которого четверо Салтыковых были боярами.

Один из Салтыковых, боярин Михаил Глебович, по прозванию Кривой, принимал значительное участие в смутах при Лжедмитрии, был главным сподвижником польской партии и в 1612 году уехал с сыновьями в Польшу, где был щедро одарен королем Сигизмундом. Сын его, Федор Михайлович, выстроил в отцовских жалованных поместьях, близ Дорогобужа, православный монастырь и, приняв сан инок с именем Сергия, сделался самым деятельным распространителем раскола (умер в 1655 году); брат его, Петр, был дедом царицы Прасковьи, отец которой, Александр, при царе Алексее, с завоеванием Смоленска, принял русское подданство. На основании некоторых известий, он был в Енисейске комендантом, откуда вызван Софьей Алексеевной.

Несмотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ее прадед и дед, были изменники отечества, все-таки фамилия Салтыковых была славна заслугами многих из своих представителей; ни в одной из фамилий не было столько бояр, и нет ничего удивительного, что правительница одобрила выбор брата, а может быть, и сама сделала его. А. Салтыков незадолго до свадьбы сделан правителем и воеводою города Кие-

ва. Счастливый родитель тогда же был возведен в сан боярина, с повелением переменить имя: вместо Александра он наименован Федором, вероятно, в честь имени покойного государя. Переименованный Салтыков был два раза женат: от первого брака с какой-то Катериной Федоровной родился сын Василий Федорович и две дочери — Прасковья и Настасья Федоровны. Вторую женою их родителя была Анна Михайловна Татищева (умерла в 1702 году). Шесть Салтыковых были боярами и занимали важные должности при дворе царей Ивана и Петра; один из них убит по ошибке стрельцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать из членов этой фамилии владели в то время в России большими населенными имениями.

Семейные связи новой царицы были весьма значительны: так, при посредстве браков своих дядей, также родного и двоюродных братьев, она была в родстве с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими и др. Родная сестра ее, Настасья, вышла впоследствии замуж за знаменитого князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского¹.

Все эти связи чрезвычайно важны в биографии Прасковьи: они служат разъяснением того значения и почета, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворе Петра; ее же родством объясняются многие события, с которыми мы не раз встретимся в нашем рассказе.

Много говорить о воспитании царицы Прасковьи нам не приходится; то не было воспитание, а питание: ее выкормили полною, статною, с высокою грудью, открытым лицом и длинною косою; затем выучили довольно плохо русской грамоте (она и впоследствии, как мы увидим, не была мастерица писать); остальное же довершили семейные предания и обычаи. Она выросла в предрассудках и суеверии; верила колдунам, чудесам, вещунам и строго выполняла пустые обряды, не вникая в их сущность и значение.

Идя по стопам своих предков и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религии: некоторые из ее родных постригались в монахи, умирали

¹ Ромодановский Федор Юрьевич (ок.1640–1717) – князь-кесарь, государственный деятель, сподвижник Петра I. В 1686–1717 гг. глава Преображенского приказа.

схимниками — и вот Прасковья очень чтит духовенство, дружилась с монахами, вела переписку с некоторыми митрополитами, ездила к ним и рассылала подарки. С выходом замуж жизнь ее пошла обычной колеей: вместе с державным супругом она выполняла церковные требы, не пропускала ни одной службы, посещала монастыри, делала вклады, участвовала в крестных ходах, раздавала милостыню нищей братии и колодникам.

Жили царь и царица в особых теремах в Кремле, выстроенных уже при царевне Софии Алексеевне. Жизнь царицы Прасковьи за то время, конечно, не отличалась от обыденной жизни ее предшественниц-цариц и ее современницы, царицы Марфы Алексеевны (вдова царя Федора). Торжественные приемы у царицы назначались только в немногие годовые праздники или по случаю особых семейных событий.

В обыкновенные праздничные дни к царице являлись одни родственники обоего пола и боярыни, по вызову или с собственными просьбами. Боярыни выходили у ворот и, подойдя к царицыным покоям, посылали своих боярских боярынь объявить о приезде дворовой боярыне, которая и докладывала о них. Посещение обыкновенно ограничивалось расспросами о здоровье и разными приветствиями; затем боярыни возвращались восвояси. Иногда царица принимала и крестьянок, по крайней мере, из своих дворцовых вотчин.

Делами царица не занималась подобно боярыням; на то был приказной чин царицы из ее близких людей, который также разбирает ссоры между дворцовыми служителями, сажал их в монастырь за провинности: кражу, пьянство и т. п.

Царица занималась только своим «женским» делом, пересматривала полотна, скатерти и другие вещи, доставляемые из слобод, работавших на дворец; заведовала рукоделами своих мастериц в светлицах, где производились всякие работы, даже шились куклы царским детям. Нередко и сама царица вышивала золотом и шелками в церкви и монастыре, изготовляла некоторые предметы из платья себе, государю и детям: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца.

Но главною и неизменною задачей жизни царицы была молитва и милостыня во всех видах и формах, по правилу того времени: «церковников и нищих и маломощных, бедных, скорб-

ных и странных пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми, напой и согрей». Царица подавала щедрую милостыню на монастыри и церкви во время своих богомольных выходов. Церковное поминовение усопших царственных родственников сопровождалось кормлением духовного чина и нищих; последние собирались к царским хоромам во все поминальные дни. Кроме нищих множество бедных женщин обращались к царице с челобитными о своих нуждах, подавая их в праздники или именины которого-нибудь из членов царской семьи. Во дворце жило много девочек-сирот, которые принимались по просьбе верховных боярынь или по желанию самой царицы. К концу XVII века и на женской половине дворца появились свои верховные богомолицы: вдовы, старухи и девицы. Они жили в подклетьях¹ у царицы Прасковьи Федоровны и у царевен, подле их хором, и, по-видимому, исполняли должности сказочниц.

Между ними были юродивые, помешанные и калеки всякого рода: немые, слепые, безрукие, безногие. Расположение ко всяким уродам, обычное в то время, особенно резко проявляется в Прасковье Федоровне; склонность эту сохранила она во всю свою жизнь. Верховные богомолицы ходили в смиренных (темных) платьях, как бы в противоположность пестрой одежде шутов и шутих — карлов и карлиц, разряженных в платье ярких цветов, в красных и желтых сапогах и ермолках.

Рядом с карлами и карлицами во дворце проживали арапы, арапки, маленькие калмыки и калмычки, взятые в полон. Их держали во дворце наравне с обезьянами, попугаями и др. чудами. Кроме попугаев, неизменно принадлежностью дворца были всякого рода птицы: соловьи, канарейки, щеглы, перепела. В 1684 году для Прасковьи Федоровны была даже заказана особая клетка для перепелов. Дворец с утра до вечера оглашался пением разнообразных птиц, криками попугаев; к вечеру умолкали птицы, и в тишине слышалось заунывное пение нищих богомольцев или мерный рассказ сказки, прерываемый выходками дураков и дурак, возбуждавшими громкий смех невзыскательных слушательниц. Наскучив этими забавами, царица иногда принималась за карты или заставляла себя качать на

¹ Подклеть (подклет) — нежилой нижний этаж дома, обычно использовавшийся в качестве кладовой или для зимовки скота.

домовых качелях. Качель обыкновенно устраивалась к святой; она была веревочная, обшитая бархатом или атласом, с ватным сиденьем, также обтянутым бархатом. В апреле 1686 года для Прасковьи Федоровны сделаны три таких качели. На масленице устраивались скатные горы, где увеселялись царевны с боярышнями. Царицы только смотрели на эту забаву, равно как и на игры в сенях женской половины дворца. Немало удовольствия доставляли царицам и зрелища другого рода, как, например, церковные церемонии, царские обеды, выезды послов, привозимые и приводимые «чуда»: заморские животные, ученые медведи и т. п. На эти зрелища царицы, царевны и малолетние царевичи смотрели из окон Кремля или из «тайника», устроенного в Грановитой палате, где происходили главные дворцовые торжества. Тайником была комната с большим окном, обращенным в палату, в которое была вставлена решетка. На театральные представления царицы также смотрели сквозь решетку. «Во время представления,— говорит Рейтенфельс,— царь сидел перед сценою на скамейке, а для цариц с детьми был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за решетки или, правильнее сказать, сквозь щели досок».

Жила царица с мужем, по обычаю, в разных покоях порознь.

«И на праздники господские, и в воскресные дни, и в посты,— повествует Котошихин¹,— царь и царица опочивают в покоях порознь; а когда случится быти опочивать им вместе, и в то время царь посылает по царицу, велит быть к себе спать или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утро ходят в мыльню порознь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грех...»

Нет сомнения, что все это выполняли царь и царица,— но детей не было... Прошло пять лет брачной жизни, и во все это время только раз мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна: сама она потом рассказывала: «При царе Иване пучило у меня живот с год и я чаяла себя весь год брюхата, да так и изошло...»

Однако ж в конце 1688 года для всего двора сделалось известно, что царица Прасковья «очреватела». Немощный царь

¹ Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630–1667) — подьячий Посольского приказа, автор «О России в царствование Алексея Михайловича».

был счастлив, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видевшие в этой беременности следствие интриг и козней правительницы. Проникая в ее замыслы, Наталья Кирилловна убедила сына вступить в брак; 27 января 1689 года Петр обвенчался с Авдотьей Федоровной Лопухиной. 21 марта того же года, в четверг ночью, царица Прасковья разрешилась от бремени — дочерью. Рано утром благовест Успенского колокола возвестил Москве о приращении царственного семейства; власти съехались, пришел царь — и патриарх отслужил молебен.

В понедельник, 25 марта, новорожденная окрещена в Чудовом монастыре именем Марии; службу совершал патриарх; воспитателями были царь Петр и тетка его, Татьяна Михайловна.

Последний факт, как, по-видимому, ни незначителен он, однако возбуждает вопрос: почему восприемницей не была Софья Алексеевна? Была ли она недовольна рождением племянницы вместо племянника, или Прасковья, не лишенная природного ума и прозорливости, провидев будущую участь правительницы, заискивала в Петре и в уважаемой им тетке?

Впрочем, за столом ради рождения Марии в четверг, 18 апреля, в Грановитой палате вместе с патриархом, царем Иваном и другими была Софья; сидели по чину, слушали чтение патриаршего канархиста, а после стола, «отдействовав Пречистую, пили задравные чаши».

С этого времени не проходило почти года, чтоб царица Прасковья не радовала мужа рождением дочери. Таким образом, 4 июня 1690 года родилась другая царевна; 20-го числа ее крестил именем Федосьи архимандрит Чудова монастыря; воспитателями были Петр и царевна Татьяна, но на обеденном кушаньи ради рождения, 4 июля, был только один царь Иван и пил задравную чашу с духовенством.

29 октября 1691 года, рано поутру, Прасковья родила новую царевну; с радостною вестью поспешил к патриарху боярин Федор Петрович Салтыков; святейший, после благовесту, служил литургию и дарил посланного. Во втором часу пополудни приехал из Преображенского Петр, и государи многолетие пели и знаменовались. 8 ноября прежние восприемники были при крещении царевны Катерины в Чудовом монастыре, а два дня спустя был по этому случаю радостный стол.

28 января 1693 года родилась царица Анна; в следующем 1694 году, 24 сентября, царица разрешилась последнею дочерью: то была царица Прасковья.

Такая плодовитость благоверной супруги радовала Ивана Алексеевича; но родительское сердце больного претерпевало также и утраты: из пяти дочерей он скоро лишился двух старших, Марьи и Федосьи (умерли 13 февраля 1690 года и 12 мая 1691 года). При совершении погребальных обрядов в Вознесенском монастыре присутствовали отец и мать.

Супруги и после падения Софьи не играли никакой роли в управлении Россией: Иван — по скорби главы, Прасковья — по ежегодной беременности, ни мало не мешались в дела, которыми управляли от имени юного еще Петра его родственники и советники, как русские, так и иноземцы. За Иваном оставался только один титул; имя его упоминалось во всех актах государственных; он имел свой двор, своих царедворцев, являлся народу в торжественных случаях в полном царском облачении, наконец, участвовал в торжественных приемах послов либо в церковных празднествах. Нельзя согласиться с Устряловым¹ в том, что «Петр нежно любил и глубоко уважал своего брата».

По крайней мере, письма Петра к Ивану ничего не заключают в себе особенно нежного: эти письма не более как обыкновенные родственные послания, кроме, впрочем, одного, в котором Петр требует устранить от правления «засорное лицо» — Софью.

Что Петр не заявлял брату глубокого уважения, видно уже из того, что при крещении обоих сыновей — Алексея Петровича (23 февраля 1690 года) и Александра Петровича (1 ноября 1692 года) Иван Алексеевич не был приглашен в восприемники. В первый раз был восприемником патриарх Иоаким с царицей Татьяной Михайловной, а во второй — келарь Троицкой лавры с царицей Натальей.

Между тем ежегодное рождение дочерей у царицы Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ее мужа оправилось; напротив, в 1696 году царь Иван, достигая тридцатилетнего возраста, хотя не обнаруживал признаков смертельной болезни, но уже таил ее в своей груди. 6 января он ходил в торжественном облачении за крестами из Успенского собора на иордань, устро-

¹ Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) — русский историк, профессор, автор «Русской истории».

енную на Москве-реке; день был чрезвычайно теплый, совершенно весенний, был дождь и молния; царь был с непокрытой головой, промочил ноги и сильно простудился. 21 января Иван был в Вознесенском девичьем монастыре на панихиде по царице Наталье Кирилловне; 26 января, в день именин сестры своей, царевны Марии Алексеевны, слушал обедню в дворцовой церкви Иоанна Предтечи; по окончании службы принимал в передней палате обычные поздравления, жаловал ближних людей фряжскими винами¹, а стрелецких полковников и гостей водкою, а через три дня его уже не стало: он умер скоропостижно 29 января 1696 года, в третьем часу пополудни.

После обычной торжественной церемонии на другой же день тело царя Ивана Алексеевича было отнесено в собор Михаила Архангела²; в течение шести недель каждый день по десяти царедворцев охраняли гробницу. Ивана похоронили подле царя Федора, позади первого столба на левой стороне; гробницу покрыли богатым покровом.

Овдовевшая царица пять дней сряду кормила 300 нищих, угощала духовенство, делала вклады в церкви.

В скором времени новый удар поразил Прасковью: потеряв мужа, она лишилась и отца. Федор Салтыков скончался 2 февраля 1697 года.

II. Жизнь в Москве, селе Измайлове и переселение в С.-Петербург

Прасковья осталась с тремя малютками, но особых печалей и забот ей не предстояло много. Петр оказывал невестке уважение, выполнял ее просьбы; для управления хозяйством и для удовлетворения ее нужд отдал в полное распоряжение Василия Алексеевича Юшкова и предоставил выбрать место жительства. Невестка выбрала свою резиденцию село Измайлово.

Измайлово, принадлежавшее, по-видимому, Ивану Никитичу Романову в 1640-х годах, перешло затем к царствующей линии дома Романовых. Так, в 1663 году царь Алексей Михайлович

¹ Фряжские вина — т. е. итальянские вина (на Руси издавна «фряжинами», «фрягами» называли итальянцев).

² Собор Михаила Архангела — Архангельский собор Московского Кремля.

уже вполне распоряжается в селе Измайлове, пользуясь своим двояким значением царя и вотчинника.

Он переводит в Измайлово и в прилежащие к нему пустоши крестьян из других дворцовых вотчин; заводит хозяйство в таких огромных размерах, что требующиеся на него издержки едва ли могли быть покрыты доходами какого бы то ни было частного лица в то время, когда собственность, главным образом, состояла из недвижимого имущества и запасов и всего менее в деньгах. Для пашен и сенокосов расчищено было в Измайлове несколько сот десятин лесу; построены смотрильные башни для наблюдения за рабочими, число которых впоследствии было очень значительно, так во время жатвы одних наемных жнецов набиралось до 700 человек. Кроме того, в Измайлове заведено было обширное садоводство, пчеловодство и хмелеводство; насажена роща на 115 десятин; реки и ручейки запружены плотинами и выстроено семь мукомольных мельниц. Тогда же было выкопано до 20 прудов, поставлены каменные риги и токи, льняной и стеклянный заводы, разные дворы, амбары и прочие хозяйственные постройки.

С другой стороны, царь Алексей Михайлович, по своему личному отношению к селу Измайлову, является вполне помещиком. В его заботливости об успехах измайловского хозяйства нельзя не видеть интереса собственника к своему поместью: он лично присутствует при полевых работах, следит за постройками, входит в малейшие подробности. Царица заведует лично женскими работами и, главным образом, льняным делом, осматривает при случае птичий и запасные дворы и погреба. Царь Алексей Михайлович прилагал всевозможные заботы к улучшению своего хозяйства в Измайлове. Выписаны были русские и иностранные мастера, специалисты своего дела: льняники из Пскова, черкасы — для скотного двора, садовники-иноземцы, пасечники, разные механики, «мастера зеленого стекла» и пр. Даже сделаны были попытки производить некоторые работы посредством машин. В 1666 году, 17 июня, велено, например, сделать три образца: 1) «как молотить колесами и гирями без воды»; 2) «как воду привезть из пруда к виноградному саду»; 3) «как воду выливать из риг гирями ж и колесы». Рядом с машинами и выпиской мастеров прибежали и к другим средствам:

к дням ярового и ржаного посева государь выписывал из Троицы и Савина монастыря «освященное масло», «святую и омовленную воду» для окропления и освящения засеваемых полей. При этом соблюдалась тайна; в грамоте, посылаемой в Троицкий монастырь, говорилось, между прочим: «И ты бы богомолец нам сотворил и прислал тайно, никому же поведавше сию тайну, священного масла великого четвертка в сосуде, и воды с ног больничных братьев, умыв сам тайно, и воды из колодезя Сергия три ведра, отпев молебен у колодезя, за своею печатью».

И не вотще трудился Алексей Михайлович: в царских житницах в Измайлове бывало до 27 000 четвертей хлеба; в Ригу посылали на продажу до 200 берковцев¹ льну; кроме того, Измайлово давало ежегодно от 500 до 800 пудов хмеля, до 179 пудов меду и почти столько же воску, не говоря уже о разных стеклянных изделиях, массе плодов и овощей, доставляемых во дворец; лечебных травах и кореньях, посылаемых в Аптекарский приказ, и т. п.

В Измайлове царь Алексей Михайлович жил только летом; с ним приезжала и вся царская семья. Первые царские хоромы были поставлены здесь около 1663 года на острове. Дворец первоначально не был особенно обширен; он состоял из хором, подклетов и верхних «житей»; вся постройка его была как бы сборная, соединенная крытыми переходами и лестницами. Тут были отдельные помещения для государя, царицы, царевичей, больших царевен и меньших царевен. Кругом всех нижних хором шли перила, по перилам баляски точеные. Все хоромы были деревянные, покрытые тесом; у крылец верхи шатровые, «крытые тесом скалою по чешуйному обиванью». К дворцу примыкала каменная двухэтажная церковь; в верхнюю церковь св. Иосафа из царских хором вели брусяные переходы и здесь, на хорах, слушали службу царицы и царевны. На острове была еще одна церковь во имя Покрова Пр. Богородицы о пяти главах, крытая гонтом, с высокими крыльцами; она обнесена была каменной оградой; возле нее возвышалась башня с тремя проезжими воротами; отсюда шел каменный мост через Измайловский пруд в 50 сажень длиною.

¹ ... берковцев льну... — старинная русская мера массы (веса): 1 берковец равнялся 10 пудам, или 163,8 кг.

Царский дворец издали казался окруженным зеленью, так как перед ним была огромная роща с высокими, хотя редкими, деревьями и тенистым кустарником, который широко раскидывал свои ветви, иногда застилая собою дорожки. С западной стороны дворца находился зверинец, представлявший собою, по словам Рейтенфельса, тот же лес, обнесенный забором, где между разными диковинами показывали лосей, оленей, кабанов, дикобразов, разных пушных и диких зверей. К зверинцу примыкал птичий двор, где водились лебеди, гуси, павлины английские, куры, утки и разные редкие птицы. Рев зверей и крики разнообразных птиц, без сомнения, были слышны дворцовым обитателям.

Внутреннее убранство Измайловского дворца было проще, чем в других загородных дворцах и даже в некоторых боярских и помещичьих домах: все двери в царских хоромах были обтянуты красным сукном и с лужеными петлями, в окнах окончины слюдяные, везде печи изразцовые, круглые, расписанные разными красками, полы мощенные дубовым кирпичом. Кроме столов и стульев почти не было никакой другой мебели. Нигде не было видно и следа роскоши; все внимание обращено на многочисленные хозяйственные заведения, которые отличались наилучшим порядком. Они составляли гордость хозяйства села Измайловского, и их прежде всего показывали иностранцам. Так, в описании посещения села Измайлова польским послом Яном Гнинским, 27 января 1672 года, внимание иностранных гостей прежде всего старались обратить на стоявшее перед селом «гумно царского величества изрядным зело расположением», на хлеб, в скирдах «ровнехонько» уложенный; затем приказчик показывал им мельницы, плотину, житницы, построенные одна возле другой, наполненные хлебом и окопанные канавой. Хорошее строение и церковь послы видели только издали; сады и огороды не могли быть осмотрены ими по зимнему времени года.

Между тем измайловские сады и огороды стоили того, чтобы познакомиться с ними. Так называемый «виноградный» сад занимал в окружности 800 сажений; в нем росли сотни яблонь, груши, сливы, грецкие орехи; ягодные кустарники занимали сотни сажений; между ними красовались пиони и другие цветы. «Просяной» сад имел в окружности 138 сажений, тут был огород, где садили дыни, огурцы, капусту и всякие летние овощи;

разводили цветы, семена трав, аптекарские растения. Вдоль по берегу реки Серебровки простирался на 33 саженьях «регулярный» сад, следы которого остались до настоящего времени в виде кустарников шиповника, барбариса, крыжовника и пр.

Обширное измайловское хозяйство находилось, главным образом, в ведении приказчика и ключника. В приказной Измайловской избе хранилась денежная казна и книги «крестоприводные Измайловской волости крестьянам и всяких чинов людям», указные памяти о всяких делах, челобитные, росписи, выборы на старост и целовальников, поручные записи, книги, тетради, столпы умолотные, приходные, расходные, продажные, столпики посевные, ужинные, укосные, росписи, «что изволил великий государь взять из села Измайлова».

Приказчик жил обыкновенно на съезжем дворе, огороженном забором. Не легко было его управление и других начальственных лиц крестьянами, переселенными в измайловские слободы из разных мест. Тяжелые работы, строгие взыскания и всякого рода притеснения, обычные в России во все времена по отношению к простонародью, заставляли измайловских крестьян искать спасения в бегстве. После смерти Алексея Михайловича оказалось из составленного в то время доклада, что из 664 крестьянских семейств, переселенных в Измайлово, 481 двор в бегах, а «которые крестьяне в остаток» 183 двора и те «наготове бежать, мало не все».

От Алексея Михайловича село Измайлово перешло в полное владение старшего его сына, царя Федора. Хозяйство шло при нем тем же порядком. Время от времени царь приезжал со своим двором в Измайлово, указывал «поить» всяких чинов людей и боярских слуг, угощал бояр и стольников; по-прежнему Измайлово поставляло во дворец всякие запасы, живность, напитки, овощи, стеклянные изделия. При царе Федоре произошли, однако, некоторые перемены в Измайлове: переделан был дворец, построены и исправлены разные служебные и хозяйственные здания и по углам двора около царских хором поставлены четыре каменные башни.

Постройки, переделки и исправления продолжались и тогда, когда собственником Измайловской вотчины стал считаться царь Иван Алексеевич, оставшийся старшим после Федора.

К этому времени относятся подробные описи села Измайлова, сделанные по приказу обоих царей, Ивана и Петра, и царевны Софьи; именем же трех царских особ и наказом из приказа Большого дворца производились тогда перемены в составе лиц, заведовавших хозяйством в селе Измайлове.

Богатое село Измайлово, по-видимому, вовсе не было отдано ни во владение, ни в пожизненное пользование вдове Ивана, царице Прасковье Федоровне,— в ее собственность перешел один дворец. Петр, водворявший порядок в дворцовом хозяйстве, расстроенном при Софье, благодаря бесцеремонному обращению членов царской семьи с казной, назначил всем им, и в том числе Прасковье Федоровне, известный оклад содержания деньгами и запасами, что вряд ли оказывалось нужным, если бы царица владела на полном праве богатым селом и вотчиною Измайловом.

В подтверждение того, что Прасковья Федоровна была на том же положении, как и остальные члены царской семьи, считаем необходимым привести некоторые несомненные, хотя и отрывочные, данные. Так, из приходно-расходных книг приказа Большого дворца 1701 года мы узнаём следующее: «У комнаты великия государыни царицы Марфы Матвеевны (вдовы царя Федора) — 9 стоялых, 21 подъемных, итого 30 лошадей; на корм им по окладу 330 чети овса, 75 копен мерных сена, 275 возов без чети воза соломы ржаной».

Столько же значится у тетки царя, Татьяны Михайловны, только вместо 330 чети овса ей отпускалось всего 304.

«У великия государыни царицы Прасковьи Федоровны 24 стоялых, 56 подъемных, итого 80 лошадей; на корм им: стоялым в год, подъемным на 7 месяцев 880 чети овса, 200 копен мерных сена; на подстилку 732 воза соломы ржаной».

Сравнительно большие цифры объяснить можно и тем, что у царицы Прасковьи были три дочери, которые приняты в расчет при назначении оклада. Хлопотала об этом и сама царица, как видно из одного донесения провинциал-фискала Терского в октябре 1722 года». «Уведомился я,— писал Терский,— что государыня царица Прасковья Федоровна просила в сенате, чтоб на комнату ее величества с царевнами учинить оклад против окладу, каков учинен был в комнате царевны Натальи Алексеевны».

У царевны Натальи Алексеевны: «14 стоялых, 28 подъемных, итого 42 лошади; на корм им: 476 чети овса, 107 копен с третью мерных сена, на подстилки 407 возов с полувозом соломы ржаной».

Затем из бумаг приказа Большой казны того же 1701 года мы узнаём, что «к великим государыням царицам (след. Марфе Матвеевне и Прасковье Федоровне) и царевнам, по указанным статьям, в 10 комнат по 2000 р. в комнату, и на 1701 год к прежним взносам в 20 000 рублей, к 10 000 рублей, отпущено 10 000; на 1702 год — 15 000, итого 25 000 рублей».

Почти столько же получала царица Прасковья Федоровна и в последующие годы, хотя сумма не всегда была одинакова. Из дела казначея царицы Деревнина оказывается, что в приходе взято для нее из Большой казны «окладных» на 1715 год 18 320 руб.; на 1716 год — 24 066 руб. 9 алт. 4 ден.; на 1717 год — 12 600 руб.; на 1718 год—32 915 руб.

В перечне певчих и крестовых дьяконов царских особ значатся певчие царицы Прасковьи Федоровны, и им наравне с прочими отпущалось содержание из приказа Большого дворца.

Наконец, мы видим, что между селом Измайловом и другими «дворцовыми» селами, по крайней мере в 1701 году, не делается различия. Разным служителям и нижним чинам села Измайлова отпущены деньги наравне со служителями села Воробьева, Преображенского и др.

Кроме царского оклада, царица Прасковья Федоровна получала еще доходы со своих вотчин деньгами и запасами. Вотчины эти находились в разных волостях Новгородского, Псковского и Копорского уездов, также на Ставропольской сотне, так что во владении ее находилось 2477 посадских и крестьянских дворов. По всему вероятно, цифра эта далеко не выражает полного числа дворов, принадлежавших царице, но мы не имеем пока сведений о них. Известно только, что в ее владении находились еще довольно значительные нижегородские имения. Вотчины царицы Прасковьи находились во владении старост и целовальников, как видно из челобитной, поданной царице крестьянами Осеченской волости в 1711 году, где они жалуются ей на претерпеваемые ими притеснения.

Всем дворцовым хозяйством царицы обыкновенно управлял Постельный (комнатный, кабинетный) приказ государыни

царицы. Его составляли, собственно, только два лица: царицын дворецкий, стоявший во главе ведомства, и дьяк. Первый бывал, обыкновенно, близкий человек по родству или по старой испытанной службе. Правую руку дворецкого был дьяк, на обязанности которого лежала вся письменная часть и все делопроизводство; то был как бы главный секретарь царицы, производитель всякого ее приказа и всякого назначения и распоряжения.

Именно таких двух лиц мы и встречаем при дворе Прасковьи Федоровны. Должность дворецкого, по-видимому, исполнял ее родной брат Василий Федорович Салтыков, приставленный к ней Петром в 1690 году. Мы его часто встречаем в Измайлове; она советуется с ним о всех домашних делах, дает ему различные поручения. Другим близким человеком царицы Прасковьи был стольник Василий Алексеевич Юшков, определенный по именному указу царя к комнате Прасковьи Федоровны и детям ее в 1701 году.

Юшков начал свою службу при дворе царя Ивана Алексеевича, когда ему было не более 13 лет от роду; затем он был записан в Семеновский полк и находился в походах в Азов, под Керчью и в первом Нарвском походе 1700 года. В этом же году Василий Юшков получил от отца своего, Алексея Александровича Юшкова, многие поместья и вотчины в разных уездах. Отец передал сыну почти все свое недвижимое имущество с обязательством «ему, Василию, его, Алексея, поить и кормить, обувать и одевать и почитать, а будет он, Алексей, те свои поместья похочет поворотить и ему, Алексею, поворотить вольно и чтоб повелено было те его поместья за ним, сыном его, справить».

Таким образом, Василий Юшков поступил ко двору Прасковьи Федоровны уже богатым человеком. Благоволила к нему царица и со своей стороны дарила деньгами, драгоценными камнями и даже деревнями, как мы увидим ниже. Между тем отец Юшкова, наскучив вдовством, вступил во второй брак с молодой вдовой Вельяминовой и потребовал обратно от сына Василия уступленные ему вотчины и поместья. От этой беды спасла своего любимца царица Прасковья. По всесильному ходатайству ее, отца Юшкова задобрили чином окольного, которым он был пожалован именным указом сенату 14 ноября 1711 года.

И действительно, старик после этого уже не поминал о возврате ему вотчины и поместий.

Кроме Салтыкова и Юшкова мы встречаем в Измайловском при дворе вдовы царицы многочисленный мужской чин, хотя, разумеется, далеко не такой, как прежде, так как в год смерти царя Ивана одних стольников числилось у царицы Прасковьи 263 чел. Теперь не позволяли этого и денежные средства. Тем не менее царица, сообразно своему сану, все еще держала ключника, подключника, подьячих, стряпчих, конюхов, сторожей, истопников и всяких служителей. Женский царицын чин был, разумеется, еще многочисленнее.

Помимо всей этой нужной и ненужной челяди царица, удовлетворяя своему личному вкусу, усвоенному с детства, окружала себя целой толпой дармоедов другого рода: нищие богомольцы и богомолицы, ханжи, гадальщицы, всякие калеки, уроды, до того скромно проживавшие в подклетьях ее Кремлевских хором и являвшиеся только по зову, теперь свободно разгуливали по Измайловскому дворцу в своих грязных изодранных рубищах, выставляя напоказ свои увечья и раны, гнусливо тянули свои песни, плясали, проделывали разные шутки. Только при посещении Петра, не терпевшего этих остатков старины, они прятались в дальние чуланы. Число их было так велико, что Татищев, не раз лично посещавший Прасковью Федоровну, говорит, что двор царицы от набожности был госпиталь для уродов, юродов, ханжей и шалунов. Из них наибольшим уважением царицы пользовался полупомешанный подьячий Тимофей Архипович, выдававший себя за святого и пророка. Некогда он занимался иконописанием, но потом бросил, стал «юродствовать миру» — и прожил при дворе Прасковьи Федоровны 28 лет. Прасковья Федоровна вместе со своим другом, боярыней Настасьей Александровной Нарышкиной, поручала ему раздачу милостыни и другие благочестивые дела. «Меня,— рассказывает Татищев,— Тимофей Архипыч не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал. Однажды, перед отъездом в Сибирь, я приехал проститься с царицей; она, жалую меня, спросила одного шалуна: скоро ли я возвращусь? Он ответил на это: «Руды много накопашь, да и самого закопают».

Пророчество это, однако, не исполнилось.

Рассказывали потом, будто Тимофей Архипович предрек царевне Анне Ивановне ее дальнейшую судьбу.

Прасковья Федоровна верила каждому слову Тимофея Архипыча и считала себя счастливою, что такой святой человек удостоивает жить в ее доме. Благодетельство и обычай побуждали ее также держать у себя вдов и сирот, давать приют странникам; делать через стольника своего Юшкова подарки духовенству и церковные вклады.

Такого рода расходы и содержание многочисленной челяди, разумеется, не могли способствовать порядку в делах Прасковьи Федоровны. Вдобавок ее обкрадывали самым бессовестным образом; крали у ней во дворце, благодаря недосмотру ее любимца Юшкова; крали и доверенные лица, которым она поручала сбор доходов со своих имений. Из них особенно выдаются Аргамаковы, отец и сын, на которых лежала обязанность собирать доходы с нижегородских имений царицы и вести приходно-расходные книги. После нескольких лет их управления в книгах замечено было до 300 подчисток: убавлены в чистовых книгах приходы денег и хлеба, также и в черновых книгах многие статьи вычернены, денег и хлеба убавлено; в среднем числе, как каялись впоследствии сами Аргамаковы, они клали в свой карман из сотни по рублю и более.

Из вышеупомянутой челобитной крестьян Осеченской волости мы узнаём, что старосты и целовальники неизвестно куда девали мирские деньги. Крестьяне писали царице: «Выборной мирской целовальник Григорей Иванов збирал с нас с Корелян со всей Осеченской волости, и с Воскресенского погосту всякие денежные многие поборы; и тех денег он, целовальник, собрал 1500 рублей, и в тех в многих зборных мирских деньгах он, целовальник, по приходным и по расходным книгам отчет нам в мир не дает; также того ж году (1711) староста Софрон Анофреев в подводах и в работных людех в мир ведомости не дает же, стакався они за одно... и з горланами и з ябедниками, а куды они такие большие деньги девали, про то мы, мирские люди, не ведаем».

Не ведала зачастую и сама Прасковья Федоровна, куда девались ее деньги и все ли запасы доставлялись из деревень к ее двору. Она большею частью довольствовалась тем, что делала те или другие письменные распоряжения; вообще она писала

письма в большом количестве и, по-видимому, охотно, не стесняясь своею сравнительною безграмотностью. Затем она проводила большую часть дня все-таки в полной праздности, занимаясь главным образом исполнением обрядов, мало обращая внимания на безурядицу и грязь, которые царили в ее доме. По известиям иностранцев, кушанья за обедом царицы Прасковьи бывали дурно приготовлены, заправлены большею частью, по русскому обычаю, маслом из грецких орехов или льняного семени (конечно, в посту) и подавались кое-как, но зато кушаньев было много и в изобилии. Кроме рыбы, мяса, разных холодных и горячих блюд, блинов и пирогов, неизбежно принадлежностью ее стола, как и всех достаточных людей того времени, были орехи, ягоды, яблоки, дыни сырые, моченые и вареные в меду. Являлись гости, царица Прасковья принимала их приветливо, угощала пивом и медами и сама подносила вино в золоченых рюмках или поручала своим дочерям. Гости бывали у нее часто. Весною и летом живали, а зимою наезжали все члены царской семьи. Царица Евдокия праздновала в Измайлове дни рождения и именины своего супруга, царя Петра Алексеевича, ставила крестьянам пиво и вино, подавала нищим милостыню. Особенно хорошо бывало Измайлово летом, когда в окна теремов заглядывала зелень и свежий воздух вносил прохладу в низенькие царские хоромы, запертые наглухо целую зиму. Выходили тогда царицы и царевны в сад, подолгу гуляли, посещали иногда для развлечения хозяйственные заведения села Измайлова, кормили рыбу в прудах, сзывая ее на корм по колокольчику. В праздники собирались хороводы перед дворцом; царевны раздавали крестьянкам пряники, куски маковой избойни и серебряные копеечки.

Из всех приведенных подробностей видно, что царица Прасковья Федоровна жила в Измайлове вполне зажиточною помещицей: у нее под рукой было все, что нужно для самого обширного хозяйства; всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штат прислуги были к ее услугам. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угощала их, и жизнь текла в довольстве, сытно и тепло, вполне соответственно развитию и потребностям измайловских обитательниц.

За царевнами ухаживало множество мамушек и нянек; они гуляли с ними в тенистых садах, посещали хозяйственные заведения, стеклянный завод, славный своими изделиями; молились по церквам, забавлялись на прудах, которых насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щук и стерлядей с золотыми сережками и сзывали рыбу на корм по колокольчику. Подрастая, они привыкали в теремах своих к шитью и вышиванию шелком и золотом, но рукоделье не далось им; по крайней мере, нет известий, чтоб какая-нибудь из трех сестер сделалась искусницей в этом деле.

Светлая сторона жизни матери-помещицы ярко рисуется перед нами; но она не помешает нам перевернуть медаль — взглянуть и на черную сторону того же патриархального быта, где самоуправство и жестокость клали столь густые тени и не на такие лица, какова была Прасковья Федоровна.

Но эту сторону характера мы еще увидим, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы приноравливаться к обстоятельствам. Являя приверженность к старине, она в то же время умела угодить царю Петру. Она не входила в сношения с нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонников. Имея возможность часто навещать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась от этих свиданий и не входила ни в какие козни.

Казни стрельцов и грозная опала, поразившая царских сестер в октябре 1698 года, еще более сделали царицу осторожною в отношении к петровским реформам; не отрешаясь вполне от святой для нее старины, она в то же время делала ряд уступок требованиям нового времени, и делала это не по принуждению, а единственно из желания сохранить расположение монарха. Так, мы у нее рано встречаем гостей иностранцев. Подобно царицам, своим предшественницам, она любит в 1697 году на въезд посольства римского императора в Кремль из окон дворца, а в 1698 году имперский посол посещает ее со свитой в Измайлове. Царица-помещица весьма радушно принимает иноземцев. «За послом,— описывает этот визит его секретарь Корб,— следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с тихим шелестом ветра, который медленно стекает с вершины деревьев. Царицы, царевич

и незамужние царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в этом волшебном убежище, часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось, что августейшие особы гуляли, когда вдруг до их слуха долетели приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя возвращались уже во дворец. Музыканты, видя, что их слушают, стали играть еще приятнее. Особы царской крови, с четверть часа слушая симфонию, похвалили искусство всех артистов».

Между тем подрастали дочери царицы Прасковьи. Первоначальное обучение их, вероятно, было вверено одной из так называемых дворцовых «учительниц» или мастериц, на обязанности которых лежало преподавание грамоты малолетним царевнам. Прасковья Федоровна на этот случай уже заблаговременно запаслась книгой. В 1693 году, «по ее изволению и повелению», иеромонах Карион Истомин¹, составитель учебников для царевича Алексея Петровича, поднес царице Прасковье второй экземпляр «Букваря славенороссийских письмен со образованиями вещей и со нравоучительными стихами», писанный красками и золотом. Букварь этот, по обычаю, перечитывался, конечно, столько раз, что царевны выучили его наизусть.

В чем вообще состояло их обучение, мы можем только приблизительно составить понятие из общего состояния первоначального воспитания в тогдашней России. Изучение русского языка заключалось в чтении и письме и особенно в чтении всякого письма рукописей. Далее полагалось чтение Библии и Нового завета. Хотя грамматика появилась в России очень рано, но правила изучались больше практически, как было удобно учителю; в правописании, прежде всего, требовалось как «ять» с «естем» различать и где какие ударения ставить. Сообщались также кое-какие сведения из истории и географии, но, конечно, в крайне извращенном и отрывочном виде. Каллиграфия заключалась в копировании писанных прописей, состоявших из кратких двустихий нравственного и религиозного содержания. Мы не в состоянии сказать, преподавалась ли целиком вся эта премудрость царевнам или только отчасти, за неимением

¹ Истомин Карион (40-е гг. XVIIв.— 1717) — иеромонах Чудова монастыря, ученик Симеона Полоцкого.

Содержание

Царица Прасковья

I. Брак царя Ивана V Алексеевича с Прасковьей Салтыковой	7
II. Жизнь в Москве, селе Измайлове и переселение в С.-Петербург	17
III. Царевна и герцогиня Курляндская Анна Ивановна	40
IV. Нежный братец Василий Федорович Салтыков	53
V. Царевна и герцогиня Мекленбургская Катерина Ивановна	66
VI. Цифирное письмо	110
VII. Мщение старушки царицы Прасковьи Федоровны . .	124
VIII. В ожидании царского приезда	135
IX. Суд и расправа	156
X. Смерть царицы Прасковьи Федоровны	169

«Слово и дело»

I. Тайная канцелярия при Петре Великом в 1720–1725 годах	191
1. Введение	191
2. Цесарские корабли	195
3. Необычный поклон	200
4. Новый титул	205
5. Волокитство полицейского	207
6. Нежная укоризна	209
7. Царев указ	212
8. Холоп царевича Алексея	213
9. Непристойное желание	217
10. Таинственные литеры	219
11. Небесное видение	224

12. Кликуши	229
13. Прапорщик Скобеев	234
14. На дворянской пирушке	237
15. Портной царевича Алексея	238
16. Школяры	240
17. Двойни царицы Натальи	250
18. Многолетие Екатерине Алексеевне	261
19. Богохульник.	264
20. Кикимора	271
21. Швед-ведун	274
22. Колодник.	279
23. Боярская толща	282
24. Антихрист	291
II. Самуил Выморков, проповедник явления антихриста в 1722–1725 годах	307
III. Камер-фрейлина Мария Даниловна Гамильтон, каз- ненная 14 марта 1719 года	359

Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс

I. Анна Ивановна Монс(1692–1714 года)	423
II. Генералбс-адъютант В. Монс (1708–1716 годы)	457
III. Марта Скваронская, или Катерина (Василевская) Алексеевна (1705–1716 годы).	470
IV. Камер-юнкер Виллим Монс (1716–1723 годы).	478
V. Царица Екатерина Алексеевна (1717–1723 годы)	510
VI. Коронация и камергерство (1724 год)	522
VII. Донос (апрель — июнь 1724 года)	534
VIII. Пред розыском (июнь — октябрь 1724 года)	541
IX. Розыск (ноябрь 1724 года)	553
X. Казнь камергера Монса (ноябрь 1724 года)	571
XI. Смерть императора Петра (1725 год)	585
XII. Императрица Екатерина I (1725–1727 годы).	596